

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Первый университет Российской империи

Н. М. Кропачев, А. Х. Даудов, И. Л. Тихонов, Е. А. Ростовцев

Для цитирования: Кропачев Н. М., Даудов А. Х., Тихонов И. Л., Ростовцев Е. А. Первый университет Российской империи // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2019. Т. 64. Вып. 1. С. 5–23. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.101>

Статья посвящена двум юбилеям Санкт-Петербургского университета — 295-летию со дня основания (по указу императора Петра Великого) и 200-летию со дня официального возобновления (по указу императора Александра I). В фокусе статьи — противоречивый путь, который пришлось пройти университетской корпорации от «академического» университета XVIII в. к массовому университету начала XX столетия. В статье показано единство традиции университетского образования в Санкт-Петербурге, реконструирована логика трансформаций институтов университетского образования

Николай Михайлович Кропачев — д-р юрид. наук, проф., ректор, Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; n.kropachev@spbu.ru

Nikolay M. Kropachev — Doctor in Law, Professor, Rector, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; n.kropachev@spbu.ru

Абдулла Хамидович Даудов — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; a.daudov@spbu.ru

Abdulla Kh. Daudov — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; a.daudov@spbu.ru

Игорь Львович Тихонов — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; i.tikhonov@spbu.ru

Igor L. Tikhonov — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; i.tikhonov@spbu.ru

Евгений Анатольевич Ростовцев — д-р ист. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет, Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9; e.rostovtsev@spbu.ru

Evgeniy A. Rostovtsev — Doctor in History, Professor, St. Petersburg State University, 7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation; e.rostovtsev@spbu.ru

Авторы признательны за советы и помощь А. Ю. Дворниченко, Т. Н. Жуковской, И. П. Потехиной, И. В. Сидорчуку.

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

в столице Российской империи в XVIII — начале XIX в. В контексте истории европейских университетов показана обоснованность как подходов современной историографии к истории Императорского университета, связывающей его историю с историей Академического университета, так и датировки основания Санкт-Петербургского университета 1724 г. Раскрыта неразрывная связь корпоративной истории столичного университета с историей развития «университетского идеала», «университетской модели» в Европе Нового времени. В работе прослеживаются основные вехи институциональной истории Санкт-Петербургского университета, неотделимые от социально-политической истории России, изменения характера государственного и общественного заказа к университетскому образованию, рассмотрены основные нормативные акты, регулирующие устройство университета (в частности, Положение об учреждении Академии наук и художеств 1724 г., Регламент и Штаты Академии наук и художеств 1747 г. Университетские уставы 1804, 1835, 1863, 1884 гг., «Первоначальное образование С. Петербургского университета» 1819 г., «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения» 1905 г., Закон от 3 июля 1916 г.). Особое внимание уделено понятию университетской автономии, ее роли в жизни университета. Анализируется значение Санкт-Петербургского (Петроградского) университета в общественно-политической жизни России дореволюционного периода («дело профессоров» 1821 г., временное закрытие университета в 1861 г., события Первой русской революции), подчеркивается его значение (и организованных при нем научных обществ) в институционализации науки в России.

Ключевые слова: Санкт-Петербургский (Петроградский) университет, Академический университет, история университетов, история высшей школы, Российская академия наук, история науки, университетские уставы.

The First University of the Russian Empire

N. M. Kropachev, A. Kh. Daudov, I. L. Tikhonov, E. A. Rostovtsev

For citation: Kropachev N. M., Daudov A. Kh., Tikhonov I. L., Rostovtsev E. A. The First University of the Russian Empire. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2019, vol. 64, issue 1, pp. 5–23. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2019.101> (In Russian)

The article is devoted to two anniversaries of St. Petersburg University — the 295th anniversary of the foundation (the decree of Emperor Peter the Great) and the 200th anniversary of the official renewal (the decree of Emperor Alexander I). The article focuses on the controversial path that a university corporation had taken from an “academic” university of the 18th century to the mass university of the early twentieth century. The article shows the unity of the tradition of university education in St. Petersburg, reconstructs the logic of transformations of university education institutions in the capital of the Russian Empire in the 18th — early 19th centuries. The inextricable link between the corporate history of the metropolitan university and the history of the development of the “university ideal” and “university model” in modern Europe is demonstrated. The work traces the main milestones of the institutional history of St. Petersburg University in the context of the socio-political history of Russia, changes in the nature of the state and public order with regard to university education. The paper discusses the main regulations governing the organization of the university (in particular, the Regulations on the Establishment of the Academy of Sciences and Arts in 1724, Regulations and States of the Academy of Sciences and Arts in 1747, University Charters of 1804, 1835, 1863, 1884, and etc.). Particular attention is paid to the concept of “university autonomy”, its role in the life of the university. The role of the St. Petersburg (Petrograd) University in the social and political life of Russia before the revolution is considered.

Keywords: St. Petersburg (Petrograd) University, Academic University, history of universities, history of higher education, Russian Academy of Sciences, history of science, university charters.

В огромной современной литературе, посвященной истории Санкт-Петербургского университета¹ немало дискуссионных тем. В частности, с 1980-х годов в историографии активно обсуждаются вопросы, связанные с датой и годом основания университета². Другая злободневная для научной литературы тема — роль нормативных документов XVIII — начала XX в. (прежде всего университетских уставов) в регулировании жизни российских университетов (в том числе столичного) и проблема автономии дореволюционного университета, юридической и фактической³. Наконец, третья очень важная тема, находящаяся в центре внимания в историографии, — проблема «университетского идеала», увлекавшая университетских профессоров разных поколений и общество, в целом связанный с ней круг вопросов об университете как общественном центре или центре формирования гражданского общества в России⁴. На наш взгляд, продуктивное обсуждение этих и других проблем будет более перспективным в рамках контекстуального подхода, формирующего видение истории университета как неотъемлемой части общественно-политического и культурного развития российского общества Нового времени. Таким образом, в фокусе настоящей статьи — комплексная характеристика основных вех истории столичного университета.

¹ Наиболее подробную библиографию см.: История Санкт-Петербургского университета XVIII–XXI вв. Материалы к комплексной библиографии / рук. проекта, проф. А. Ю. Дворниченко. URL: <https://history.spbu.ru/files/Bibl.pdf> (дата обращения: 01.10.2018). — О новейшей литературе см.: *Сосницкий Д. А.* Основные направления изучения истории Санкт-Петербургского университета в современной российской историографии // *Клио*. 2017. № 10. С. 207–217.

² *Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А.* «Отечеству на пользу, а россиянам во славу»: из истории университетского образования в Петербурге в XVIII — начале XIX в. Л., 1988; *Иванов А. Е.* Советская историография Петербургского университета // *Очерки по истории Ленинградского университета*. Т. 6. Л., 1989. С. 5–12; *Павлова Г. Е.* Истоки организации Петербургского университета. (От Академического до Санкт-Петербургского университета. 1724–1819) // *Очерки по истории Санкт-Петербургского университета*. Вып. VI. Л., 1990. С. 175–189; *Андреев А. Ю.* О начале университетского образования в Санкт-Петербурге // *Отечественная история*. 1998. № 3. С. 62–73; *Левшин Б. В.* Академический университет в Санкт-Петербурге // *Отечественная история*. 1998. № 5. С. 73–76; *Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А.* «Единым вдохновением»: очерки истории университетского образования в Петербурге в конце XVIII — первой половине XX в. СПб., 2000; *Кулакова И. П.* Московский и Санкт-Петербургский университеты: к спору о первородстве // *Российские университеты в XVIII–XX вв.*: сб. науч. статей. Вып. 5. Воронеж, 2000. С. 28–64; *Смагина Г. И.* Академия наук и российская школа. Вторая половина XVIII в. СПб., 2002; *Андреев А. Ю.* Российские университеты XVIII — первой половины XIX века в контексте университетской истории Европы. М., 2009. С. 202–232; *Жуковская Т. Н.* Какая история нужна Петербургскому университету // *Санкт-Петербургский университет в XVIII–XX вв.: европейские традиции и российский контекст: материалы Международной научной конференции* / отв. ред. А. Ю. Дворниченко, И. Л. Тихонов. СПб., 2010. С. 463–478 и др.

³ См.: напр.: [*Гена Е. И.*] Предисловие // *Уставы Московского университета. 1755–2005*. [Сб. Авт.-сост. Е. И. Гена]. М., 2005. С. 3–67; *Посохов С. И.* Уставы российских университетов XIX века в оценках современников и потомков // *Вопросы образования*. 2006. № 1. С. 370–381.

⁴ *Ростовцев Е. А.* Академическая корпорация Санкт-Петербургского университета в начале XX в.: отношение к власти и гражданскому обществу // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в. / отв. сост. А. Ю. Андреев. М., 2009. С. 139–156.

От утилитарной модели к просвещенному университету

В официально утвержденном в 2010 г. Правительством Российской Федерации Уставе университета отмечается, что Санкт-Петербургский университет «учрежден указом Петра I от 22 января 1724 г., введенным в действие указом Правительствующего Сената от 28 января 1724 г.»⁵. Недавнее постановление Правительства Российской Федерации от 27 декабря 2018 г. об образовании организационного комитета по подготовке и проведению празднования 300-летия Санкт-Петербургского университета также подтверждает эту официальную позицию⁶. Тем не менее в научном и общественном дискурсе продолжают звучать разные точки зрения. Сомнению подвергается если не время основания, то непрерывность университетской истории. В связи с этим показательно, что в современной Большой российской энциклопедии Санкт-Петербургский университет признается старейшим образовательным и научно-исследовательским центром России, основанным по указу Петра I в 1724 г., и вместе с тем утверждается, что «попытки Ломоносова преобразовать Академич. ун-т в полноправный С.-Петерб. ун-т не встретили поддержки в правительств. кругах, и в кон. 18 в. он прекратил существование. В 1819 по указу Александра I на базе Главного педагогического института воссоздан С.-Петерб. ун-т»⁷.

В такой постановке проблемы составители энциклопедии, вероятно, исходили из того, что многие из европейских университетов имели некоторые перерывы в своей деятельности, изменялись и организационные формы их существования. Например, дата создания старейшего Оксфордского университета вообще неизвестна, и обычно указываются 1096 г. — как начало преподавания или 1167 г. — как рубеж, с которого началось активное развитие университета, когда после указа Генриха II, запрещающего английским студентам учиться во Франции, они были вынуждены вернуться в Оксфорд⁸. Университет в Тарту был основан шведами в 1632 г. и существовал до 1656 г. под названием *Academia Gustaviana*, на четыре факультета которой за это время было принято 1016 студентов. В 1690 г. данное учебное заведение возобновило свою деятельность под названием *Academia Gustavo-Carolina*, а в 1699 г. было переведено в Пярну, где прекратило свою деятельность в 1710 г. В 1802 г. уже русским правительством в Дерпте (Тарту) вновь был открыт университет под названием Дерптский. Естественно, по определенным политическим соображениям в ту эпоху во всех официальных документах датой основания Дерптского (Юрьевского) университета указывался 1802 г. Эта традиция сохранялась и в советские времена. Так, в 1952 г. отмечалось 150-летие Тартуского уни-

⁵ Постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2010 г. № 1241 Об утверждении устава Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет». URL: https://spbu.ru/sites/default/files/ustav_s_s_poslednimi_izmeneniyami.pdf (дата обращения: 01.10.2018).

⁶ Распоряжение Правительства РФ от 27 декабря 2018 г. № 2960-р «Об образовании организационного комитета по подготовке и проведению празднования 300-летия федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Санкт-Петербургский государственный университет»». URL: <http://rulaws.ru/government/Rasporyazhenie-Pravitelstva-RF-ot-27.12.2018-N-2960-r/> (дата обращения: 5.01.2019).

⁷ Санкт-Петербургский государственный университет // Большая Российская энциклопедия: [в 35 т.] / науч.-ред. совет: пред. Ю. С. Осипов [и др.]. Т. 29. М., 2015. С. 350–351.

⁸ University of Oxford. Introduction and History. URL: <https://www.ox.ac.uk/about/organisation/history?wssl=1> (accessed 01.10.2018).

верситета, в частности был выпущен сборник научных трудов, посвященных этой дате. А в 1982 г. официально отмечалась первоначальная дата создания университета в Тарту, где прошла Всесоюзная конференция по истории науки, посвященная 350-летию Тартуского государственного университета. В 2002 г. уже в независимой Эстонии был отмечен двойной юбилей: 370 лет Академии Густавиана и 200 лет Императорскому университету. Хельсинский университет имеет похожую историю: основанный в 1640 г. как Академия в Або (Турку), в 1828 г. он возобновил свою деятельность в Хельсинки. Университет в Вильнюсе был основан в 1579 г. польским королем Стефаном Баторием под названием *Academia et universitas Vilnensis* и обычно именовался Академией. В 1781 г. Вильнюсская академия была переименована в Главную школу Великого Княжества Литовского. После присоединения Литвы к России I в 1803 г. Главная школа была преобразована указом Александра I в Императорский Вильнюсский университет, но в 1832 г. он был закрыт и более восьмидесяти лет вообще не существовал. Он возобновил свою деятельность только в независимой Литве в 1919 г. Тем не менее во всех изданиях история этого университета всегда рассматривалась как непрерывная, начинающаяся с 1579 г., и в 1979 г. торжественно отмечалось 400-летие «старейшего университета СССР», как тогда писали. Московский педагогический университет ведет свое начало от 1872 г., когда были созданы Высшие женские курсы профессора В. И. Герье. В 1888 г. они были закрыты Министерством народного просвещения (МНП) и открылись в 1900 г., но уже как новое высшее учебное заведение⁹. Эти примеры можно продолжать, и сами по себе они вполне убедительно показывают, что даже если бы университетская традиция в Петербурге прервалась (как в большинстве описанных центров), университет вполне бы мог претендовать на 1724 г. в качестве года основания.

Но факты свидетельствуют как раз о том, что *традиция по существу не прерывалась*. Другое дело, что менялись модели организации университетского преподавания, и это важное обстоятельство не всегда учитывается исследователями. В историографии описано несколько основных моделей университета, оказавших в той или иной степени влияние на развитие университетской идеи в России; условно их можно охарактеризовать как: 1) *доклассический университет*, 2) *утилитарный университет*, 3) *классический («гумбольдтовский») университет*, 4) *постклассический / неклассический (массовый) университет*¹⁰. Для России эпохи петровской модернизации приоритетной естественным образом оказалась модель

⁹ Эвенчик С. Л. Высшие женские курсы в Москве // Опыт подготовки педагогических кадров в дореволюционной России и в СССР. М., 1972. С. 4–99.

¹⁰ См.: Gellert C. The emergence of three university models. Institutional and functional modifications in European higher education. Florenz, 1991; Wittrock B. The Modern University: the Three Transformations // The European and American University since 1800. Historical and Sociological essays / eds S. Rothblatt, B. Wittrock. Cambridge, 1993. P. 303–361; Андреев А. Ю. «Национальная модель» университетского образования: возникновение и развитие // Высшее образование в России. 2005. № 1. С. 156–169; Межова М. В., Шуляева О. В. Модели университетского образования: от сократической модели к глобальному университету будущего // Приоритетные направления развития науки и образования: материалы VI Международной научно-практической конференции / редкол. О. Н. Широков [и др.]. Чебоксары, 2015. С. 40–46; Шиповалова Л. В. «Классический» и «неклассический» университет // Философский век. Альманах. Вып. 29. История университетского образования в России и международные традиции просвещения. Т. 2 / отв. ред. Т. В. Артемьева, М. И. Микешин. СПб., 2005. С. 192–197.

так называемого *утилитарного университета*, т.е. высшего учебного заведения, призванного выполнять функции государственного учреждения (при сохранении, однако, особенностей практик университетского преподавания) и готовить специалистов в интересах государства и его хозяйства. Именно таким учреждением и стал «академический университет», основанный в 1724 г. Напомним, что среди первых профессоров университета были выдающиеся ученые: математики Л. Эйлер и Д. Бернулли, историк Г.-З. Байер¹¹. Уже в 1726 г. они приступили к преподаванию в университете. Например, в январе 1726 г. было объявлено, что ученый «антикветов профессор» Г.-З. Байер прочтет лекции о «древностях греческих, монетах и — достопамятных вещах ветхого Рима»¹². В числе первых выпускников молодого университета были: В. Адодуров — первый русский адъютант Академии по математике и будущий куратор Московского университета; М. Клейнфельд — адъютант анатомии, впоследствии академик; А. Крамер — адъютант истории и тоже впоследствии академик; И. Ильинский — переводчик Академии. Но университет готовил кадры не только для самой Академии наук, 13 человек из первых выпусков поступили на государственную службу¹³. Среди них — Антиох Кантемир, сын молдавского господаря, видный дипломат и писатель XVIII в., Павел Кондоиди, биолог, директор медицинской канцелярии, организатор медицинской службы в русской армии, Готфрид Пашке, консультант Юстиц-коллегии, Иван Магницкий, учитель Кадетского корпуса, и др.

При этом, признавая утилитарный характер академического университета, мы вряд ли в полной мере сможем разделить заключение о том, что «Академический университет» «был призван подготавливать... юношей для дальнейшей академической службы и не имел никакой корпоративной организации, самоуправления или иных черт, которые делали бы его в настоящем смысле университетом»¹⁴. Во-первых, следует обратить внимание все-таки на «автономность» самой Академии, для которой в XVIII в. подготовка студентов была важнейшей корпоративной практикой; во-вторых, на университетский (по научному содержанию) характер профессорского преподавания в Петербургском университете академического периода¹⁵, что и позволяет современным исследователям вполне убедительно относить его к предшественникам Главного педагогического института и университета в Петербурге XIX в.¹⁶

---

¹¹ *Вербницкая Л.А., Тишкин Г.А.* Петербургский университет в истории русской культуры // *Очерки по истории Санкт-Петербургского университета* Т. VIII. СПб., 2000. С. 7.

¹² *История Академии наук СССР*. Т. 1 (1724–1803). М.; Л., 1958. С. 146, 147.

¹³ *Смагина Г.И.* Академия наук и зарождение университетского образования в России // *Академия наук в истории культуры России в XVIII–XX вв.* СПб., 2010. С. 54.

¹⁴ *Андреев А.Ю., Посохов С.И.* От составителя. Раздел I // *Университетская идея в Российской империи XVIII — начала XX в.* Антология: учеб. пособие для вузов. М., 2011. С. 14.

¹⁵ См., напр.: *Смагина Г.И.*: 1) *Научно-просветительская деятельность Академии наук в XVIII в.* // *Академическая наука в Санкт-Петербурге в XVIII–XX вв.* / ред.-сост.: Э.И. Колчинский, Э.А. Тропп. СПб., 2003. С. 117–133; 2) *Академик Г.Ф. Миллер и его «Проект Регламента Академического университета» (1748)* // «Быть русским по духу и европейцем по образованию». Университеты Российской империи в образовательном пространстве Центральной и Восточной Европы XVIII — начала XX в. М., 2009. С. 52–70.

¹⁶ См., напр.: *Марголис Ю.Д., Тишкин Г.А.* «Отечеству на пользу, а россиянам во славу»...

Напомним, до 1747 г. Академия наук представляла собой единый учебно-научный комплекс, имея в своем составе университет и гимназию¹⁷. В 1747 г. был принят Регламент Императорской Академии наук и художеств в Санкт-Петербурге, который гласил, что «Академия Наук разделяется на Академию собственно и на Университет»¹⁸. Пункты 36–49 Регламента определяли характер и перечень предметов, преподаваемых в университете, количество профессоров и студентов и их денежное содержание. Тогда же впервые была введена должность ректора университета, которым стал Герхард Фридрих Миллер¹⁹. Для университета и гимназии был арендован дом барона Строганова, находящийся рядом с основными зданиями Академии наук на стрелке Васильевского острова²⁰. Регламент Академии наук и художеств 1747 г. формально закрепил статус университета в качестве отдельного академического института, однако, как справедливо отмечается в литературе, не изменил сути университетской образовательной традиции Академии, направленной на подготовку кадров для самой Академии и в конечном итоге для государственных нужд. Большинство студентов, обучавшихся в университете в это время, позднее остались работать в Академии наук, и многие из них — математики С. К. Котельников и М. Софронов, анатом А. П. Протасов, астроном С. Я. Румовский — стали известными учеными, а А. А. Барсов и Н. Н. Поповский вошли в число первых профессоров Московского университета, созданного в 1755 г.

Вскоре другой руководитель университета — великий русский ученый М. В. Ломоносов энергично взялся за дело его переустройства на европейских началах²¹. Но и М. В. Ломоносов, при всем своем опыте и таланте организатора науки, не смог изменить ситуацию. Его проект реорганизации университета на началах Просвещения, но ориентированный на модель *не утилитарного, а доклассического (средневекового)* университета, не был принят властями. С 1770-х годов традиция *университетской подготовки* в Академии переместилась в старшие классы академической гимназии (или «академического всеучилища»), где бывших студентов именовали «элевами». Несомненно, с одной стороны, *утилитарная модель академического университета* испытала в екатерининское время определенный кризис, вызванный как раз тем, что многие воспитанники гимназии уже являлись «вольными», обязательств государственной службы не имели и до звания элехов / студентов не доходили. Наиболее же способные студенты, как и в предшествующие периоды, отправлялись на стажировки в западные университеты²². С другой стороны, «екатерининское просвещение» дало мощный толчок всей будущей системе российских университетов, связанной с формированием новой сети средних учебных заведений, которым требовались учителя. Так, в рамках деятельности «Комиссии

---

¹⁷ Смагина Г. Н. Академик Г. Ф. Миллер и его «Проект Регламента Академического университета» (1748). С. 53.

¹⁸ Регламент и штаты Академии наук и художеств, 24 июля 1747 г. // История Академии наук СССР. В 2 т. / гл. ред. К. В. Островитянов. М.; Л., 1958. Т. I. 1724–1803. С. 436–453.

¹⁹ Смагина Г. Н. Академик Г. Ф. Миллер и его «Проект Регламента Академического университета» (1748). С. 52–55.

²⁰ Костина Т. В. Пространство Академических гимназии и университета: материалы к истории 1724–1805 гг. // Клио. 2013. № 10 (82). С. 8–10.

²¹ Кулябко Е. С. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.; Л., 1962.

²² Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. «Единым вдохновением» ... С. 36, 70–72.

об учреждении народных училищ» во главе с П. В. Завадовским 15 октября 1782 г. (официально — 13 декабря 1783 г.) в Санкт-Петербурге родилась Учительская семинария. Абсолютное большинство ее учащихся и выпускников — казеннокоштные питомцы духовных семинарий и одновременно основа будущего российского учительского корпуса²³. Лучшие выпускники семинарии со временем становились ее преподавателями; в 1780-е — 1790-е годы расширялась материальная база (кабинеты, коллекции, библиотека), в этом процессе принимали университетские (академические) профессора, ими были написаны учебники и программы для новых учебных заведений. Воспитанники и профессора Академии В. Ф. Зуев и М. Е. Головин стали преподавателями Учительской семинарии. Тем самым в стенах семинарии как бы подготавливалась новая университетская традиция. Однако решительный перелом в практиках преподавания этого учебного заведения произошел только в момент ликвидации Академической гимназии в 1803–1804 гг.

В 1803 г. Учительская семинария была преобразована в Учительскую гимназию, а в 1804 г. в Педагогический институт, который рассматривался как «Отделение имеющего быть в Санкт-Петербурге Университета»²⁴. Еще ранее, в 1803 г., по смете Министерства была определена сумма в 130 тыс. руб. на содержание университета в Санкт-Петербурге²⁵, причем из этих средств отпускались деньги, например, на отправку студентов Педагогического института за границу, «так как Институт есть отделение сего Университета». По справедливой оценке С. Б. Окуня, Педагогический институт был тот же университет, которому «лишь недоставало этого имени и тогдашних прав университетов на управление делами учебного округа»²⁶. В 1816 г. Педагогический институт был преобразован в Главный Педагогический институт с новым уставом²⁷, а в 1819 г. — в Санкт-Петербургский университет²⁸. Последний акт был не просто переименованием, вернувшем Санкт-Петербургскому университету его историческое имя, появившееся еще в XVIII в., а имел для университетской корпорации далекоидущие последствия. Так завершился начальный период организации и развития университета в Петербурге. Традиционно сторонники институционального единства университетской истории особо указывают и на элементы преемственности как в преподавательском, так и ученическом составе Академической гимназии (всеучилища) и Педагогического института (а следовательно

²³ См., напр.: *Кусбер Я.* Воспитание элит и народное образование в Российской империи XVIII — первой половины XIX века. Дискурс, законодательство, реальность. М., 2018. С. 236–241.

²⁴ Процесс институционального становления университета в начале XIX в. в новейшей литературе наиболее подробно реконструирован в статье: *Жуковская Т. Н.* Правительственные стратегии в сфере просвещения и идея университета в Петербурге (1803–1819) // *Клио*. 2013. № 10 (82). С. 15–25.

²⁵ Сборник постановлений по Министерству народного просвещения. Т. 1. СПб., 1864. С. 32, 206, 459.

²⁶ История Ленинградского университета. Л., 1969. С. 15.

²⁷ Устав Главного Педагогического института. СПб., 1817. — Устав Главного Педагогического института лег в основу устройства будущего университета. Об этом см., напр.: *Жуковская Т. Н., Казакова К. С.* *Anima universitatis: студенчество петербургского университета в первой половине XIX века*. М., 2018. С. 11–13.

²⁸ Тезис о единстве и нераздельности архива Педагогического института и Петербургского университета, непрерывности делопроизводства и администрирования развернут в статье: *Жуковская Т. Н.* Архив Педагогического института в Санкт-Петербурге (1804–1819): специфика отражения университетской повседневности // *Биографии университетских архивов / под ред. Е. А. Вишленковой, К. А. Ильиной, В. С. Парсамова*. М., 2017. С. 114–164.

но, и университета)²⁹. Но основной и наиболее убедительный аргумент общности университетской истории заключается не в этом, а в *очевидном единстве традиций университетского преподавания в Петербурге*, начавшихся в Академическом университете в 1720-е годы и с тех пор не прерывавшихся.

Гумбольдтовский идеал и корпоративная автономия (1819–1884)

В дореволюционной историографии заслуга формального возобновления университетского образования в Санкт-Петербурге обычно приписывалась попечителю Санкт-Петербургского учебного округа и президенту Академии наук Сергею Семеновичу Уварову³⁰, которым был составлен проект «Первоначального образования» Петербургского университета, утвержденный Александром I по докладу министра народного просвещения князя А. Н. Голицына 8 февраля 1819 г.³¹ Однако еще в первой половине XIX в. помнили об исторических корнях университета, связывая его историю с деятельностью в составе Академии наук. В 1838 г., к возвращению университета в реконструированное здание Двенадцати коллегий, была выпущена специальная медаль с изображением Петра I, указанием даты — 1724 г. и надписью: «Единым вдохновением»³². В том же 1838 г. профессор П. А. Плетнев, вскоре ставший ректором Петербургского университета, в статье «Перемещение университета в Санкт-Петербурге» подводил читателей к убеждению, что «учебное заведение, по идее Петра Великого возникшее вместе с Академией наук и существовавшее нераздельно с нею до времени Екатерины II, — Санкт-Петербургский университет должен был перейти много степеней и подвергнуться разным видоизменениям прежде, нежели священная воля благополучно царствующего императора возвела его на нынешнюю блестящую череду... по своему педагогическому влиянию на все наши ученые и учебные заведения Санкт-Петербургский университет может называться рассадником европейского образования в России»³³. Он же на торжественном акте 1844 г., касаясь истории университета, отмечал: «Начиная говорить об основании его, встречаешь перед собой длинный ряд предшествовавших ему учреждений, которые выражали уже идею Университета и необходимость его для столицы». Далее он рассматривал начальный период истории университета с учреждения Академии наук, особо отмечая, что «педагогическое влияние Акаде-

---

²⁹ См., напр.: Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А. «Единым вдохновением» ... С. 49; 275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись 1724–1999 / авт. коллектив: Г. А. Тишкин, И. Л. Тихонов, Г. Л. Соболев и др.; под ред. Л. А. Вербицкой. СПб., 1999. С. 84–89.

³⁰ См. об этом, напр.: 275 лет. Санкт-Петербургский университет. Летопись 1724–1999... С. 79–82, 102–104.

³¹ Высочайше утвержденный доклад министра духовных дел и народного просвещения «Об учреждении. Университета в Санкт-Петербурге» [8 февраля 1819 г.]. Первоначальное образование С. Петербургского университета // Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. первое. Т. XXXVI. 1819. СПб., 1830. С. 62–66.

³² Тишкин Г. А., Керзум И. В. Материалы по истории управления университетом в 1724–1889 гг. // Очерки по истории Ленинградского университета. Т. 6. Л., 1989. С. 234.

³³ Плетнев П. А. Перемещение университета в Санкт-Петербурге // Современник. 1838. Т. 10. С. 1–11.

мии Наук связало предшествовавшее ученое направление в России с последующим. Академики приглашены были к преподаванию наук в Учительской семинарии»³⁴.

Отметим, что память о начальном этапе университетского образования в Петербурге продолжала жить в умах историков и в XX в. Например, в книге «Ленинградский университет за советские годы. 1917–1947» прямо говорилось, что «первые университет в бывшей столице Российской империи — Петербурге — был открыт при только что созданной Академии наук в 1725 г., в соответствии с указом Петра Великого, изданным в январе в 1724 г.». Эта книга была издана под редакцией академика С. В. Калесника, и среди ее авторов были известные историки — профессор С. Н. Валк и В. В. Мавродин³⁵.

Тем не менее начиная с 1840-х годов возобладала тенденция разделять историю университетского образования в Петербурге, отсекая начальный период развития университета, и считать датой его создания 1819 г. Начало этой традиции было положено празднованием 25-летнего юбилея университета в 1844 г. Причины подобной «забывчивости», находящиеся в сфере политических интересов и придворных интриг, и столь резкое изменение позиции самого Плетнева анализировались в литературе. В качестве одного из обстоятельств, способствовавших этому решению, указывается, что непосредственным попечителем университета был в это время не кто иной, как ставший теперь министром С. С. Уваров, которому весьма льстило звание «основателя столичного университета».

На наш взгляд, основная причина принятия и корпорацией, и обществом в XIX в. даты 1819 г. как времени основания университета все-таки не в этом. К 1830–1840 гг. кардинальным образом изменился сам *университетский идеал*. Университет более не воспринимался как учреждение, ориентированное на узко понимаемые государственные задачи или даже как центр просвещения в духе XVIII столетия. Более того, как показано в литературе, именно Санкт-Петербургский университет в 1819 г. первым сделал шаг в направлении нового для России *классического университета*, под которым подразумевался так называемый «гумбольдтовский университет», суть которого заключается в занятиях чистой наукой, в приобщении студенчества к исследовательской деятельности, в академической свободе как основе обучения и преподавания³⁶. Действительно, для того же С. С. Уварова университет — прежде всего центр науки. В этом смысле Петербургский университет значительно отличался от других университетов, организованных по университетскому уставу 1804 г. В столичном университете было закреплено разделение функций: в ведение Совета во главе с избранным ректором передавались учебные дела, присуждение ученых степеней, а административно-хозяйственные дела подлежали ведению Правления, с назначенным директором под председательством попечителя учебного округа. К 1820 г. в университете сложился блестящий для той эпохи российской высшей школы профессорский состав. К сожалению, вынужденная от-

³⁴ Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб., 1844. С. 6–7.

³⁵ Ленинградский университет за советские годы. 1917–1947. Очерки. Л., 1948. С. 3.

³⁶ Гумбольдт В. О внутренней и внешней организации высших научных и учебных заведений в Берлине 1809 или 1810 г. // Университетская идея в Российской империи XVIII–XX в. Антология: учеб. пособие для вузов. М., 2011. С. 510–516. — Характеристику гумбольдтовского идеала университета и его значения для европейских университетов см., напр.: Кларк У. Академическая харизма и истоки исследовательского университета. М., 2017. С. 593–597.

ставка С. С. Уварова и так называемое «дело профессоров» 1821 г., против которого бывший попечитель протестовал, затормозило развитие столичного университета. Обрушившиеся на профессоров обвинения в крамоле и репрессии не только обескровили университет в кадровом отношении, но и помешали созданию необходимой для классического университета атмосферы научной свободы³⁷.

Движение российской университетской системы в направлении идеала гумбольдтовского университета все же возобновилось с возвращением С. С. Уварова в Министерство народного просвещения, сначала товарищем (заместителем) министра, а затем и министром. Новый Университетский устав 1835 г. устранил многие черты доклассического университета. Устав освобождал преподавателей от административных функций, вводил обязательную систему научного ценза — докторской степени для обретения профессуры, магистерской степени — для адъюнктуры. Предусматривал новый Устав и возможность прямого назначения профессоров, однако при этом закреплял свободу университетского преподавания³⁸. Напомним, что в корпоративной модели классического университета центральной идеей является академическая свобода и свобода преподавания, защищенная системой самоуправления профессорской коллегии. Разумеется, элементы утилитаризма и государственного заказа в определенной мере сохранялись в университете Николаевской эпохи. Однако его выпускниками были не узкие специалисты, а широкообразованные люди, в дальнейшем находившие себе применение в качестве чиновников (Университетскими уставами 1804, 1835, 1863, 1884 гг. закреплялись преимущества университетского диплома для гражданской службы), учителей и, наконец, ученых. Не случайно самому Николаю I университеты казались подозрительными рассадниками вольнодумства, и потому в 1849 г. он ограничил количество своекоштных студентов до 300 человек, а С. С. Уваров вновь ушел в отставку³⁹. Несмотря на непростые условия «полицейского государства», именно в 1840–1850-е годы в Петербургском университете сложилась система научных школ в разных областях знания. 1850-е — начало 1860-х годов — время, когда российские университеты (и прежде всего столичный, Санкт-Петербургский) по своему научному уровню и составу профессуры впервые приблизились к уровню ведущих европейских университетов. Достаточно назвать имена таких профессоров, как ботаник А. Н. Бекетов, математики В. Я. Буняковский, О. И. Сомов,

---

³⁷ О деле профессоров см.: *Плисов М. Г.* Историческая записка о деле С.-Петербургского университета // *Сухомлинов М. И.* Исследования и статьи по русской литературе и просвещению. Т. 1. СПб., 1889. С. 307–377; *Феоктистов Е.* Магницкий: материалы для истории просвещения в России. СПб., 1875; *Ферлюдин П. И.* Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Вып. 1. Саратов, 1894; *Давидович Я. И.* «Дело» Санкт-Петербургского университета 1821 г. // *Вестник Ленинградского государственного университета.* 1947. № 3. С. 145–155; *Косачевская Е. М.* М. А. Балутьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Л., 1971; *Жуковская Т. Н.* С. С. Уваров и воссоздание Санкт-Петербургского университета // *Очерки по истории Санкт-Петербургского университета.* Т. 7. СПб., 1998. С. 56–74; *Марголис Ю. Д., Тишкин Г. А.* «Единым вдохновением» ... С. 127–175.

³⁸ Высочайше утвержденный Общий Устав Императорских Российских Университетов [1835] // *ПСЗ. Второе собрание (1825–1881).* Т. IX. Отделение первое. СПб., 1835. № 8337. С. 841–855.

³⁹ О преобразованиях в университете после «дела профессоров», введении в действие Устава 1835 г. и реформе 1849 г. см., напр.: *Жуковская Т. Н.* Система управления и административная практика Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX в. // *Вестник Санкт-Петербургского университета. История.* 2015. Вып. 3. С. 21–32.

П. Л. Чебышёв, синолог В. П. Васильев, химик А. Б. Воскресенский, физик Э. Х. Ленц, юристы К. Д. Кавелин и В. Д. Спасович, историк России Н. И. Костомаров, зоолог С. С. Куторга, его брат антиковед М. С. Куторга, литературоведы А. В. Никитенко и М. И. Сухомлинов, славист И. И. Срезневский, астроном А. Н. Савич, историк-медиевист М. М. Стасюлевич, гебраист Д. А. Хвольсон и многие другие⁴⁰. Профессура встала на защиту студентов в ходе кризиса 1861 г., спровоцированного стремлением власти установить жесткий надзор за студенчеством. В результате университет был по существу на полтора года закрыт и возобновил учебную деятельность с принятием нового университетского устава.

Университетский устав 1863 г.⁴¹ совмещал начала классического и доклассического университета. Из элементов последнего в нем сохранялся принцип самополнения университетской коллегии, в то время как в классическом университете ответственность за назначение профессоров лежала на правительстве. Однако в российских условиях Великих реформ эта традиция воспринималась как защитная мера против вмешательства власти и бюрократии в университетскую жизнь, своеобразная гарантия академической свободы⁴². Действительно, отдав университеты «в руки профессоров», новый устав создал основания не только для развития научного знания, но и усиления университетской корпоративности. Важно, что устав открывал возможность для создания вокруг университетов новых организационных структур, без которых трудно представить ландшафт российской науки пореформенной эпохи. В первую очередь речь идет о научных обществах и их изданиях. Для Санкт-Петербургского университета это прежде всего знаменитые общества естествоиспытателей (1868 г.), а также Химическое общество (1868 г.) и Физическое общество (1872 г.), объединенные в 1878 г. в Физико-химическое общество⁴³. Следует принимать внимание и то обстоятельство, что университетская наука 1860-х — первой половины 1880-х годов с точки зрения количества научной продукции начинает превосходить Императорскую Академию наук (сами академики начинают в это время стремиться преподавать в Петербургском университете), и постепенно Академия и столичный университет становятся параллельными и равновеликими центрами российской науки, отношения между которыми характеризуются не только сотрудничеством, но и соперничеством⁴⁴.

Сочетание государственной политики и общественного заказа во второй половине XIX в. создают особые условия для развития российской высшей школы. Выдающиеся профессора российских университетов пореформенной эпохи рассматривают науку как важнейший фактор социального прогресса, служение ей представляется служением обществу, а сама наука видится инструментом модер-

---

⁴⁰ Сетевой биографический словарь профессоров и преподавателей Санкт-Петербургского университета (1819–1917) / ред. коллегия: проф. Р. Ш. Ганелин (рук. проекта), проф. А. Ю. Дворниченко (отв. ред.), доц. Т. Н. Жуковская, доц. Е. А. Ростовцев (отв. ред.), доц. И. Л. Тихонов. URL: <http://bioslovhist.history.spbu.ru/biografika/pp1.html> (дата обращения: 15.11.2018).

⁴¹ Общий Устав Императорских Российских Университетов // ПСЗ. Второе собрание (1825–1881). Т. XXXVIII. Отделение первое. СПб., 1866. № 39752. С. 622–638.

⁴² Ср.: Андреев А. Ю. Российские университеты... С. 579–581.

⁴³ См.: Чугаев Л. А. Русское физико-химическое общество // Наука и ее работники. 1922. № 1. С. 14–20.

⁴⁴ Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи: ученое сословие, общество и власть (вторая половина XIX — начало XX в.). М., 2017. С. 344–348.

низации страны, ее сближения с западными нациями⁴⁵, отсюда в университетской среде появляется убеждение в том, что в обязанность государства и общества входят поддержка и поощрение фундаментальной науки⁴⁶. Следствием этих представлений стало доминирование в умах университетской профессуры убеждения в том, что «университетская автономия», закрепленная Уставом 1863 г., — акт особой общественной важности⁴⁷. Закрепление новой университетской модели в системе российского образования и сознании профессуры является, на наш взгляд, одной из основных причин (психологического порядка), побуждавших университетов второй половины XIX в. видеть начало своего университета в качестве отдельного института, обладающего университетской автономией, а не подсобного, хотя и важного учреждения Академии наук.

На пути к массовому университету. Между академической свободой и освободительным движением

В эпоху так называемых контрреформ Александра III власть начинает наступление на университетскую автономию, считая университеты рассадниками революционных настроений. Впрочем, среди мотивов принятия нового университетского устава 1884 г. было и стремление приблизить российские университеты к классической немецкой модели, включавшей обязательное назначение/ утверждение профессоров министерством, расширение системы практических/ семинарских занятий, укрепление приват-доцентуры, расширение научно-исследовательских лабораторий и т. п. На деле новые рычаги воздействия на университеты Министерство народного просвещения стало использовать не столько для повышения научного уровня, сколько в целях контроля политической благонадежности⁴⁸. В результате возник перманентный конфликт между университетами и властью, связанный с борьбой университетских коллегий за «возвращение автономии». В столичном университете, например, сложилась ситуация очевидного противоречия между формально-юридической и фактической автономией. Напомним, что хотя по уставу 1884 г. внутри корпорации главным органом принятия решений оставался Университетский совет, министерство могло не утвердить почти любое университетское решение, назначить по своему усмотрению лицо на любую университетскую должность. Однако фактически профессорские Советы (в том числе Совет столичного университета) и в этот период имели решающее значение для определения всего хода внутренней жизни университетов. Так, для столичного университета до 1911 г. (кризис высшей школы эпохи Л. А. Кассо⁴⁹) мы почти не знаем случаев назначения профессоров против воли корпорации. Соглас-

⁴⁵ См., напр.: Сеченов И. М. Беглый очерк научной деятельности русских университетов по естествознанию за последнее двадцатипятилетие // Сеченов И. М., Павлов И. П., Введенский Н. Е. Физиология нервной системы. Избр. труды / под ред. К. М. Быкова. Вып. I. М., 1952. С. 33–41.

⁴⁶ Ср.: Vuchinich A. Mendeleev's Views on Science and Society // Isis. 1967. Vol. 58, no. 3. P. 342–351.

⁴⁷ См.: Посохов С. И. Университетская реформа 1863 г.: историографический аспект // Мир историка. Историографический сборник. Омск, 2014. С. 83.

⁴⁸ Андреев А. Ю. Российские университеты... С. 580–581.

⁴⁹ Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи... С. 613–663; Брачев В. С. Студенческие беспорядки, профессорская корпорация и власть. Санкт-Петербургский университет в 1907–1911 гг. СПб., 2014. С. 98–194.

но профессорским воспоминаниям, обычный порядок выборов профессоров заключался в том, что «делалось это негласно по закрытии официального заседания [факультета]; декан представлял результаты выборов факультета на утверждение министра — разумеется, тоже неофициально, — и тогда, официально, происходило это “назначение”»⁵⁰. Так или иначе фактическая автономия столичного университета была значительно шире юридической. Любое же вмешательство министерства в то, что профессура считала своей нераздельной компетенцией, встречало твердое противодействие профессорской коллегии.

В ходе революции 1905–1907 гг. университетам практически удалось вернуть многие отнятые у них Уставом 1884 г. элементы формальной автономии. 27 августа 1905 г. были утверждены «Временные правила об управлении высшими учебными заведениями Министерства народного просвещения», возвращавшие университетским коллегиям право самостоятельно избирать должностных лиц университетской администрации (ректора, проректора, деканов)⁵¹. Провозглашенная «университетская автономия» была в числе причин превращения столичного университета в один из основных центров революции в сентябре — октябре 1905 г.: дав университету автономию, власти долгое время не решались ввести полицию и войска на его территорию, где каждый день проходили собрания и митинги с участием сотен посторонних лиц, открыто собирались деньги на вооруженное восстание⁵².

С завершением революции противостояние между оппозиционными высшими учебными заведениями и властью возобновилось и особой силы достигло в эпоху министра народного просвещения Л. А. Кассо, вступившего в открытый конфликт с университетскими администрациями и попытавшегося возложить на них функции полицейского контроля за студенчеством. Университеты действовали по-разному. Если профессора и преподаватели Московского университета массово подали прошения об отставке, то профессура Санкт-Петербургского университета во главе с юристом Д. Д. Гриммом выбрала иной путь борьбы с министром — на бюрократическом и общественном поле. Эта борьба увела стороны чрезвычайно далеко: министр начал политику «переводов» петербургских профессоров в провинциальные вузы (что на практике означало отставку) и замещения их кафедр так называемыми «назначенцами», университет в свою очередь начал судебный процесс в Сенате против Л. А. Кассо, а профессора-назначенцы подвергались обструкциям как со стороны студенчества, так и со стороны коллег⁵³. Начало Первой мировой войны и принятие большинством либеральной профессуры «доктрины внутрен-

---

⁵⁰ Зелинский Ф. Ф. Университетский вопрос в 1906 г. // Журнал Министерства народного просвещения (ЖМНП). 1906. Июль-Август. Ч. IV. С. 118.

⁵¹ О введении в действие временных правил об управлении высшими учебными заведениями Министерства Народного Просвещения // ПСЗ. Собрание III. Т. XXV. Отделение I. СПб., 1908. № 26692. С. 658–659.

⁵² Сладкевич Н. Г. Петербургский университет в 1905 г. // Вестник Ленинградского государственного университета. 1955. № 3. С. 23–35; Иванов А. Е. Университеты в России в 1905 г. // Исторические записки. 1971. Т. 88. С. 114–149; Яковлев В. П. Петербургский университет в революции 1905–1907 гг. // Вестник Ленинградского государственного университета. История, языковедение, литература. 1980. № 2, вып. 1. С. 19–25; Марголис Ю. Д. Петербургский университет 1905–1907 гг. в воспоминаниях современников // Новое о революции 1905–1907 гг. в России: межвуз. сб. Л., 1989. С. 18–27.

⁵³ Rostovtsev E. A., Barinov D. A. Capital University and the World War: Theory and Practice of “Academic Patriotism” // Былые годы. Российский исторический журнал. 2014. № 34 (4). С. 597.

него мира» ослабили это противостояние, а смерть Л. А. Кассо послужила началом нового диалога между властью и университетом. Одним из зримых его результатов стал закон 3 июля 1916 г., согласно которому министр лишился права на непосредственное открытие профессорской вакансии и назначение на нее лиц по своему усмотрению⁵⁴; шел интенсивный диалог между профессурой и властью о подготовке компромиссного варианта нового университетского устава.

На наш взгляд, многие проблемы последних десятилетий существования императорского университета были связаны с объективными трудностями эволюции от *классического* к *массовому* университету. Дело в том, что российский вариант классического (исследовательского) университета покоился на так называемой патерналистской модели, так сказать, «семейной». В ее центре находятся родители-профессора, рядом с ними — младшие преподаватели (лекторы, приват-доценты), которые все вместе опекают и воспитывают детей — студентов. «*Университетская семья*» — одно из наиболее важных и часто употребляемых выражений в официальных циркулярах, профессорских речах и студенческой публицистике. При разногласиях по другим острым общественным и политическим темам это объединяющее понятие. Важно, что не только власти считали профессоров ответственными за университет и студенчество, но также полагали и сами профессора, и все члены «университетской семьи». Поэтому любое отступление не только от негласных корпоративных правил, но и от коллективного мнения корпорации (в том числе по социально-политическим вопросам) могло закончиться изгнанием члена «университетской семьи» — как студента, так и профессора.

Важно, что в условиях фактической автономии университет в полной мере ощущал себя «государством в государстве», позиционировал себя как территорию не только академической, но и гражданской свободы, воспринимал себя как центр политического влияния на общество и власть. Именно такая корпоративная позиция и превращала университет в центр «освободительного движения». Но то же положение, связанное с автономией, открывало и другие перспективы. Прежде всего автономия давала профессорам — «отцам» в университетской семье — огромный символический капитал, высокий общественный авторитет, социальный статус, который можно было использовать для привлечения в науку и преподавательскую корпорацию лучших молодых людей, для создания лабораторий, исследовательских программ, которые в полной мере реализовывали амбиции и научный потенциал профессора. Именно это обстоятельство, на наш взгляд, обеспечило подъем российской университетской науки до мирового уровня. Вокруг автономного университета как центра притяжения возникают десятки формальных и сотни неформальных структур: от больших самодеятельных научных обществ (упомянутые Общество естествоиспытателей, Физико-химическое общество), которые объединяют ученых разных регионов, имеют свои программы, финансируют и создают науку «снизу», до небольших кружков, салонов, неформальных обществ самой разной направленности. Однако любая подобная система, конечно, имеет оборотную

---

⁵⁴ Закон о временном улучшении материального положения профессоров императорских российских университетов и Демидовского юридического лицея, а также доцентов Императорских Варшавского и Юрьевского университетов и названного лицея и об изменении некоторых постановлений Устава императорских российских университетов // ЖМНП. 1916. № 9–10. Правительственные распоряжения. С. 25–32.

сторону. Была она и у организованного в рамках патерналистской модели автономного университета.

Первая проблема заключалась в *игнорировании* (иногда демонстративном) задачи подготовки различных категорий «служилых людей», отказе от решения прикладных задач. Как образно заявлял в 1916 г. последний дореволюционный ректор Э.Д. Гримм, целью университета является «осуществлять свое высокое научное назначение, не отдавая дани ни задаче образования разных категорий служилых людей, ни каким бы то ни было ненаучным целям»⁵⁵. Все, что навязывается университету извне, например, городом, решительно игнорируется. Один из наиболее ярких примеров — воистину изощренный бойкот идеи организации нужного для Петербурга (Петрограда) медицинского факультета⁵⁶. С первой проблемой была связана и вторая — ориентация преподавания на *избранное меньшинство*, т. е. подготовка ученых и одновременная зависимость преподавателей от мнений большинства студенчества. Иными словами, переход к так называемому массовому университету осуществлялся в Петербургском университете крайне неэффективно, большинство студентов последних предреволюционных десятилетий, числясь в университете, регулярно занятия не посещало, в лучшем случае они готовились только к экзаменам (часто формальным). Однако во время политических кризисов университет был переполнен фрондирующими студентами, и для профессоров в рамках сложившейся системы не было ничего страшнее неодобрения со стороны студенчества, значительная часть которого на лекциях почти не появлялась. Разумеется, эта модель могла существовать только до тех пор, пока власть видела в университете субъектность, право на принятие решений. После 1917 г. новая власть прекратила рассматривать профессоров в качестве партнера для переговоров, пресловутая автономия была признана контрреволюционной и ликвидирована, старая университетская корпорация разрушена, в итоге и вся формировавшаяся десятилетиями социальная система, которой являлся университет вместе с многочисленными формальными и неформальными объединениями, рухнула⁵⁷ — поскольку иссяк тот творческий источник, который пафосно назывался в публицистике начала XX в. «*университетской свободой*» и «*университетской автономией*».

* * *

Возникнув по указу Петра Великого в 1724 г., Санкт-Петербургский университет заложил традиции университетского преподавания в столице Российской империи. Академический университет развивался в рамках *утилитарной модели*, в которой студенчество воспринималось как часть служилого сословия, а университетские практики — как процесс подготовки кадров для Академии и иных государственных нужд. Утилитарная модель университетского образования в рамках

⁵⁵ Гримм Э.Д. Организация университетского преподавания по проекту нового устава // Русская мысль. 1916. № 4. С. 111.

⁵⁶ Ростовцев Е. А. Столичный университет Российской империи... С. 692–697.

⁵⁷ Кривоноженко А. Ф. Петроградский университет в 1917–1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014; Ростовцев Е. А., Сидорчук И. В. Изгнанники «советского» университета: опыт коллективного портрета преподавательской эмиграции Петрограда // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. История. 2016. Вып. 1. С. 64–75.

Академии испытала кризис в эпоху Просвещения, однако практики университетского преподавания не только не прерывались, но и получили дополнительный импульс в ходе становления высшего педагогического образования (Учительская семинария, Учительская гимназия). После прекращения университетского образования в рамках Академии оно продолжилось в Педагогическом институте, Главном Педагогическом институте, Императорском университете. Особенно стостью столичного университета 1810–1820-х годов, организованного С. С. Уваровым, была его большая изначальная близость к модели классического / гумбольдтовского университета. Акт 8 февраля 1819 г., Университетские уставы 1835, 1863, 1884 гг. и другие нормативные акты закрепляли особый статус университета в российском обществе. Данный статус был связан с понятием *университетской автономии*, которое в российских условиях воспринималось как гарантия академической свободы. Одной из причин, побуждавших ученое сословие столичного университета временем основания университета считать год переименования Главного Педагогического института, было именно это обстоятельство — обретение с названного момента формального статуса *автономной ученой корпорации*. Университетская автономия в условиях поздней империи и перехода к *массовому университету* давала столичной университетской корпорации много возможностей, но создавала и немало проблем, связанных с вовлечением университета в социальные бури конца XIX — начала XX в. Одновременно она составляла гордость *университетской семьи* и одну из основ университетской идентичности. Таким образом, на наш взгляд, Санкт-Петербургский университет в феврале 2019 г. со всем основанием имеет право праздновать сразу две даты: 295 лет со дня основания и 200 лет со дня утверждения 8 февраля 1819 г. Александром I проекта С. С. Уварова — проекта, который явился первым шагом на пути к достижению университетом автономии и академической свободы.

References

- Andreev A. Yu. “Natsional’naia model” universitetskogo obrazovaniia: vzniknovenie i razvitie. *Vyshee obrazovanie v Rossii*, 2005, no. 1, pp. 156–169. (In Russian)
- Andreev A. Yu. O nachale universitetskogo obrazovaniia v Sankt-Peterburge. *Otechestvennaia istoriia*, 1998, no. 3, pp. 62–73. (In Russian)
- Andreev A. Yu. *Rossiiskie universitety XVIII — pervoi poloviny XIX veka v kontekste universitetskoj istorii Evropy*. Moscow, Znack, 2009, 648 p. (In Russian)
- Andreev A. Yu., Posohov S. I. Ot sostavitelia. Razdel I. *Universitetskaia ideia v Rossiiskoi imperii XVIII — nachala XX v. Antologii: uchebnoe posobie dlia vuzov*. Eds A. Yu. Andreev, S. I. Posohov. Moscow, ROSSPEN, 2011, 527 p. (In Russian)
- Brachev V. S. *Studencheskie besporiadki, professorskaia korporatsiia i vlast’*. Sankt-Peterburgskii universitet v 1907–1911 gg. St. Petersburg, Asterion, 2014, 253 p. (In Russian)
- Chugaev L. A. Russkoe fiziko-khimicheskoe obshchestvo. *Nauka i ee rabotniki*, 1922, no. 1, pp. 14–20. (In Russian)
- Davidovich Ya. I. “Delo” Sankt-Peterburgskogo universiteta 1821 g. *Vestnik of Leningrad State University*, 1947, no. 3, pp. 145–155. (In Russian)
- Evenchik S. L. Vysshie zhenskoe kursy v Moskve. *Opyt podgotovki pedagogicheskikh kadrov v dorevoliutsionnoi Rossii i v SSSR*. Moscow, [s.n.], 1972, pp. 4–99. (In Russian)
- Feoktistov E. *Magnitskii: materialy dlia istorii prosveshcheniia v Rossii*. St. Petersburg, Kesnevil’, 1875, 227 p. (In Russian)
- Ferlyudin P. I. *Istoricheskii obzor mer po vysshemu obrazovaniu v Rossii*. Saratov, P. S. Feokritov, 1894, vol. 1, 187 p. (In Russian).

- Gellert C. *The Emergence of Three University Models: Institutional and Functional Modifications in European Higher Education*. Florenz: European University Institute, 1991, 39 pp.
- [Gena E. I.] Predislovie. *Ustav Moskovskogo universiteta. 1755–2005*. [Sbornik, ed.-comp. E. I. Gena]. Moscow, Imperium-press, 2005, pp. 3–67. (In Russian)
- Ivanov A. E. Sovetskaiia istoriografiia Peterburgskogo universiteta. *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta*. Vol. 6. Leningrad, Leningrad State University Press, 1989, pp. 5–12. (In Russian)
- Ivanov A. E. University v Rossii v 1905 g. *Istoricheskie zapiski*, 1971, vol. 88, pp. 114–149. (In Russian)
- Klark U. *Akademicheskaiia kharizma i istoki issledovatel'skogo universiteta*. Moscow, Higher School of Economics, 2017, 736 p. (In Russian).
- Kosachevskaia E. M. *Mikhail Andreevich Balug'ianskii i Peterburgskii universitet pervoi chetverti XIX veka*. Leningrad, Leningrad State University Press, 1971, 271 p. (In Russian)
- Kostina T. V. Prostranstvo Akademicheskikh gimnazii i universiteta: materialy k istorii 1724–1805 gg. *Klio*, 2013, no. 10 (82), p. 6–15. (In Russian)
- Krivozhenko A. F. *Petrogradskii universitet v 1917–1922 gg.* Diss... kand. ist. nauk. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2014, 262 p. (In Russian).
- Kulakova I. P. Moskovskii i Sankt-Peterburgskii universitety: k sporu o pervorodstve. *Rossiiskie universitety v XVIII–XX vv.* Sb. nauch. statei. Vol. 5. Voronezh, Voronezh State University Press, 2000, pp. 28–64. (In Russian)
- Kulyabko E. S. *M. V. Lomonosov i uchebnaia deiatel'nost' Peterburgskoi Akademii nauk*. Moscow, USSR Academy of Sciences, 1962, 216 p. (In Russian)
- Kusber Ya. *Vospitanie elit i narodnoe obrazovanie v Rossiiskoi imperii XVIII — pervoi poloviny XIX veka. Diskurs, zakonodatel'stvo, real'nost'*. Moscow, ROSSPEN, 2018, 613 p. (In Russian)
- Levshin B. V. Akademicheskii universitet v Sankt-Peterburge. *Otechestvennaia istoriia*, 1998, no. 5, pp. 73–76. (In Russian)
- Margolis Yu. D. Peterburgskii universitet 1905–1907 gg. v vospominaniakh sovremennikov. *Novoe o revoliutsii 1905–1907 gg. v Rossii*. Mezhdvuzovskii sbornik. Leningrad, Leningrad State University Press, 1989, pp. 18–27. (In Russian)
- Margolis Yu. D., Tishkin G. A. “*Edinym vdohnoveniem*”: ocherki istorii universitetskogo obrazovaniia v Peterburge v kontse XVIII — pervoi polovine XIX v. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2000, 226 p. (In Russian)
- Margolis Yu. D., Tishkin G. A. “*Otechestu na pol'zu, a rossiianam vo slavu*”: iz istorii universitetskogo obrazovaniia v Peterburge v XVIII — nachale XIX v. Leningrad, Leningrad State University Press, 1988, 230 p. (In Russian)
- Mezhova M. V., Shulyaeva O. V. Modeli universitetskogo obrazovaniia: ot sokraticheskoi modeli k global'nomu universitetu budushchego. *Prioritetnye napravleniia razvitiia nauki i obrazovaniia. Materialy VI Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ed. by O. N. Shirokov. Cheboksary, 2015, pp. 40–46. (In Russian)
- Pavlova G. E. Istoki organizatsii Peterburgskogo universiteta. (Ot Akademicheskogo do Sankt-Peterburgskogo universiteta. 1724–1819). *Ocherki po istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta*. Iss. VI. Leningrad, Leningrad State University Press, 1990, pp. 175–189. (In Russian)
- Pletnev P. A. Peremeshchenie universiteta v Sankt-Peterburge. *Sovremennik*, 1838, vol. 10, pp. 1–11. (In Russian)
- Pletnev P. A. *Pervoe dvadtsatipiatiletie Imperatorskogo Sankt-Peterburgskogo universiteta*. St. Petersburg, Tipografiia voenno-uchebnykh zavedenii, 1844, 126 p. (In Russian)
- Plisov M. G. Istoricheskaia zapiska o dele S.-Peterburgskogo universiteta. Suhomlinov M. I. *Issledovaniia i stat'i po russkoi literature i prosveshcheniiu*. Vol. 1. St. Petersburg, A. S. Suvorin, 1889, pp. 307–377. (In Russian)
- Posohov S. I. Universitetskaia reforma 1863 g. v riadu Velikikh reform: istoriograficheskii aspekt. *Mir istorika. Istoriograficheskii sbornik*. Iss. 9. Omsk, Omsk State University Press, 2014, pp. 81–102. (In Russian)
- Posohov S. I. Ustavy rossiiskikh universitetov XIX veka v otsenkakh sovremennikov i potomkov. *Voprosy obrazovaniia*, 2006, no. 1, pp. 370–381. (In Russian)
- Rostovtsev E. A. Akademicheskaiia korporatsiia Sankt-Peterburgskogo universiteta v nachale XX v.: otnoshenie k vlasti i grazhdanskomu obshchestvu. “*Byt' russkim po dukhu i evropeitseu po obrazovaniuu*”: universitety Rossiiskoi imperii v obrazovatel'nom prostranstve Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy XVIII — nachala XX v. Ed. by A. Yu. Andreev. Moscow, ROSSPEN, 2009, pp. 139–156. (In Russian)
- Rostovtsev E. A. *Stolichnyi universitet Rossiiskoi imperii: uchenoe soslovie, obshchestvo i vlast' (vtoraia polovina XIX — nachalo XX v.)*. Moscow, ROSSPEN, 2017, 903 p. (In Russian)
- Rostovtsev E. A., Barinov D. A. Capital University and the World War: Theory and Practice of “Academic Patriotism”. *Bylye gody. Rossiiskii istoricheskii zhurnal*, 2014, no. 34 (4), pp. 592–604. (In Russian)

- Rostovtsev E. A., Sidorchuk I. V. Izgnanniki “sovetskogo” universiteta: opyt kollektivnogo portreta prepodavatel'skoi emigratsii Petrograda. *Vestnik of Saint-Peterburg University. History*, 2016, no. 1, pp. 64–75. (In Russian)
- Sechenov I. M. Beglyi ocherk nauchnoi deiatel'nosti russkikh universitetov po estestvoznaniuu za poslednee dvadtsatipiatiletie. Sechenov I. M., Pavlov I. P., Vvedenskii N. E. *Fiziologiiia nervnoi sistemy. Izbrannyye trudy*. Iss. 1. Ed. by K. M. Bykova. Moscow, Medgiz, 1952, pp. 33–41. (In Russian)
- Shipovalova L. V. “Klassicheskii” i “neklassicheskii” universitet. *Filosofskii vek. Al'manakh. Iss. 29. Istoriia universitetskogo obrazovaniia v Rossii i mezhdunarodnye traditsii prosveshcheniia. Vol. 2*. Eds T. V. Artemeva, M. I. Mikeshein. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2005, pp. 192–197. (In Russian)
- Sladkevich N. G. Peterburgskii universitet v 1905 g. *Vestnik of Leningrad State University*, 1955, no. 3, p. 23–35. (In Russian)
- Smagina G. I. *Akademiia nauk i rossiiskaia shkola. Vtoraia polovina XVIII v.* St. Petersburg, Nauka, 2002, 162 p. (In Russian)
- Smagina G. I. Akademiia nauk i zarozhdenie universitetskogo obrazovaniia v Rossii. *Akademiia nauk v istorii kul'tury Rossii v XVIII–XX vv.* St. Petersburg, Nauka, 2010, pp. 39–80. (In Russian)
- Smagina G. I. Akademik G. F. Miller i ego “Proekt Reglamenta Akademicheskogo universiteta” (1748). “Byt' russkim po dukhu i evropeitseem po obrazovaniuu”: universitety Rossiiskoi imperii v obrazovatel'nom stranstve Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy XVIII — nachala XX v. Moscow, ROSSPEN, 2009, pp. 52–70. (In Russian)
- Smagina G. I. Nauchno-prosvetitel'skaia deiatel'nost' Akademii nauk v XVIII v. *Akademicheskaiia nauka v Sankt-Peterburge v XVIII–XX vv.* Eds E. I. Kolchinskii, E. A. Tropp. St. Petersburg, Nauka, 2003, pp. 117–133. (In Russian)
- Sosnitskii D. A. Osnovnye napravleniia izucheniia istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta v sovremennoi rossiiskoi istoriografii. *Klio*, 2017, no. 10, pp. 207–217. (In Russian)
- Tishkin G. A., Kerzum I. V. Materialy po istorii upravleniia universitetom v 1724–1889 gg. *Ocherki po istorii Leningradskogo universiteta. Vol. 6*. Leningrad, Leningrad State University Press, 1989, pp. 232–245. (In Russian)
- Verbitskaia L. A., Tishkin G. A. Peterburgskii universitet v istorii russkoi kul'tury. *Ocherki po istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vol. VIII*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2000, pp. 6–18. (In Russian)
- Vuchinich A. Mendeleev's Views on Science and Society. *Isis*, 1967, vol. 58, no. 3, pp. 342–351.
- Wittrock B. The Modern University: the Three Transformations. *The European and American University Since 1800. Historical and Sociological Essays*. Eds S. Rothblatt, B. Wittrock. Cambridge, Cambridge University Press, 1993, pp. 303–361.
- Yakovlev V. P. Peterburgskii universitet v revoliutsii 1905–1907 gg. *Vestnik of Leningrad University. History, Linguistics, Literature*, 1980, no. 2, iss. 1, pp. 19–25. (In Russian)
- Zhukovskaia T. N. Arkhiv Pedagogicheskogo instituta v Sankt-Peterburge (1804–1819): spetsifika otrazheniia universitetskoi povsednevnosti. *Biografii universitetskikh arkhivov*. Eds E. A. Vishlenkova, K. A. Il'ina, V. S. Parsamov. Moscow, Higher School of Economics, 2017, pp. 114–164. (In Russian)
- Zhukovskaia T. N. Kakaia istoriia nuzhna Peterburgskomu universitetu. *Sankt-Peterburgskii universitet v XVIII–XX vv.: evropeiskie traditsii i rossiiskii kontekst. Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii*. Eds A. Yu. Dvornichenko, I. L. Tihonov. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 2010, pp. 463–478. (In Russian)
- Zhukovskaia T. N. Pravitel'stvennye strategii v sfere prosveshcheniia i ideia universiteta v Peterburge (1803–1819). *Klio*, 2013, no. 10 (82), pp. 15–25. (In Russian)
- Zhukovskaia T. N. Sistema upravleniia i administrativnaia praktika Sankt-Peterburgskogo universiteta v pervoi polovine XIX v. *Vestnik of Saint-Peterburg University. History*, 2015, iss. 3, pp. 21–32. (In Russian)
- Zhukovskaia T. N. S. S. Uvarov i vossozdanie Sankt-Peterburgskogo universiteta. *Ocherki po istorii Sankt-Peterburgskogo universiteta. Vol. 7*. St. Petersburg, St. Petersburg State University Press, 1998, pp. 56–74. (In Russian)
- Zhukovskaia T. N., Kazakova K. S. *Anima universitatis: studenchestvo peterburgskogo universiteta v pervoi polovine XIX veka*. Moscow, Novyi Hronograf, 2018, 576 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 3 октября 2018 г.

Рекомендована к публикации 30 ноября 2018 г.

Received: October 3, 2018

Accepted: November 30, 2018